

© 1994 г. Т.Е. ЯНКО

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РЕЧИ: КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА РУССКИХ ИНТРОДУКТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ*

Одним из когнитивных методов анализа текста служит исследование коммуникативной структуры предложения и его функционирования в художественном или публицистическом тексте. Ниже будут рассмотрены коммуникативные структуры предложений, открывающих текст или новый фрагмент текста, где вводится в рассмотрение новый объект.

Поводом обратиться к коммуникативной структуре предложений, в которых вводится в рассмотрение новый объект, послужила необычная линейно-акцентная структура в таких примерах, как: *Вальдишен со стуком поднялся из-за куста* (Тургенев); *Томительная теплота потрясла основы моей души* (Бабель); *Новый тип офтальмоскопа разработали недавно югославские врачи* (Из газет). Эти предложения принадлежат письменной художественной или публицистической речи и при ее озвучивании читаются с ударением на препозитивном имени. От нейтральных эти предложения отличает инвертированный порядок слов и ударное начало: нейтральные предложения имеют фразовое ударение на конце. А нейтральным порядком слов здесь был бы следующий: *Из-за куста со стуком поднялся вальдишен*; *Основы моей души потрясла томительная теплота*; *Югославские врачи разработали недавно новый тип офтальмоскопа*.

Наша гипотеза состоит в том, что нестандартная линейно-акцентная структура служит выразителем особой коммуникативной стратегии, присущей стилю некоторых писателей, а также широко используемой в средствах массовой коммуникации. Выбор особой стратегии объясняется тем, что в рассматриваемых предложениях сообщается о некоем важном с точки зрения развития сюжета событии – появлении нового значительного объекта. Именная группа, обозначающая этот объект, вынесена в начало и ударна.

Были исследованы коммуникативные парадигмы (классы предложений с одинаковой лексико-синтаксической, но различной линейно-акцентной структурой), в которые входят рассматриваемые примеры. Попутно выяснилось, что соответствующие коммуникативные парадигмы содержат еще один тип предложений, реализующих другую стратегию введения в рассмотрение нового объекта. Этот тип характеризуется инверсией, но начало в этом случае не обязательно ударное: *... круглые башни выросли из рва... голубая ступень блестела в кустарнике* (Бабель). При анализе интродуктивных стратегий мы пользуемся теми терминами описания коммуникативного членения, которые предложил В. Матезиус. Это тема – то, о чем говорится в предложении, и рема – то, что сообщается о теме. Так, в предложении *В нашем городе много примечательного* именная группа *в нашем городе* – тема, а *много примечательного* – это рема. Исследование проводилось на материале русского языка и лишь в некоторых случаях мы приводим английские аналогии. Типологическая

* Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта "Язык и знания. Когнитивные исследования" (руководитель акад. Ю.С. Степанов), финансируемого Институтом языкознания РАН и Российским фондом фундаментальных исследований.

значимость результатов анализа состоит в том, что доказывается возможность сосуществования в одном простом предложении двух рем – начальной и конечной.

В работе И.И. Ковтуновой [1] предлагается трактовка коммуникативной структуры для одного типа предложений, при которой в предложении выделяются следующие компоненты: тема-новое и рема. Исследуемый И.И. Ковтуновой тип предложений принадлежит художественному тексту и отличается особым лаконизмом и динамичностью, возникающими, по мнению автора, в результате того, что в них спаяно воедино два сообщения. Так, пример из Л. Толстого *Страшная буря* *рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции* – "... заключает в себе по существу два сообщения: 1) Была страшная буря; и 2) Эта буря рвалась и свистела..." [1, с. 264].

Анализ, проведенный И.И. Ковтуновой, согласно которому "...темой служит состав подлежащего, а ремой – состав сказуемого..." [1, с. 263], представляется не во всех разобранных примерах оправданным, поскольку группа подлежащего, которая признается темой, несет на себе главное ("рематическое") фразовое ударение. Рематическое ударение на подлежащем *буря* характеризует предложение (1), а также ряд других предложений из [1]. Главное фразовое ударение (двойной выделительный акцент) мы обозначаем знаком //. Кроме того, в предложениях рассматриваемого типа имеется вторичное (более слабое, чем главное) фразовое ударение на конечных группах сказуемого или обстоятельства; вторичное фразовое ударение представляет собой выделительный акцент и обозначается !. Примеры:

(2) *(Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева). Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу* (Пушкин); (3) *Вдруг странный, чуждый природе звук разнесся и замер на опушке леса* (Л. Толстой); (4) *(Вдруг раздалась духовая музыка и) шестивесельная лодка причалила к самой беседке* (Пушкин). Возможность реализации предложений (1)–(4) с восходящим, "тематическим", ударением (Г – интонацией незавершенности) на выделенных словах или отсутствием движения тона на них (что характерно для темы в быстрой речи) нельзя отрицать полностью; однако двойному выделительному акценту отдается явное предпочтение.

Неудивительно, что в работах [2–4] группа подлежащего в предложениях с аналогичной коммуникативной структурой считается не темой, а ремой. При изложении точки зрения И.И. Ковтуновой следует, однако, сделать следующую оговорку. Наряду с предложениями, в которых препозитивная группа подлежащего считается темой-новым, И.И. Ковтунова выделяет отдельную группу "... экспрессивных высказываний с сильным интонационным выделением подлежащего (с фразовым ударением на подлежащем или на последнем слове группы подлежащего)":

(5) *(Я поднял голову.) и горький ветер обдул воспаленное лицо* [1, с. 273–274]. При сравнении предложения (5), например, с предложением (4), оказывается, однако, что они имеют одну и ту же линейно-акцентную структуру, которая определяется главным ударением на препозитивном подлежащем и вторичным ударением на постпозитивной группе сказуемого, одинаковую синтаксическую структуру, а также одинаковую информационную структуру, а именно, подлежащее обозначает новое, а дополнение или обстоятельство старое. Следовательно, можно предположить, что у двух разделенных в [1] групп предложений один тип коммуникативной структуры.

Кроме того, по мнению П. Адамца [3, с. 73], в предложениях типа (5) "...степень экспрессивности может быть и не очень высокой...". П. Адамец приводит следующие примеры: (6) *Теплая радость захлестнула сердце Алексея*; (7) *Безразличие оковало Григория*.

Итак, наиболее существенными чертами в плане выражения коммуникативной структуры у рассматриваемых предложений мы считаем следующие: возможность произнесения с двойным выделительным акцентом на препозитивной именной группе и обратный порядок слов. О последнем поясним, что нейтральным порядком слов для

рассмотренных предложений (1)–(7) был бы следующий (распространяющие члены мы опускаем): *По столбам из-за угла станции свистела страшная буря; Ей навстречу побежала белая собачка; На опушке леса разнесся странный звук; К беседке причалила лодка; Воспаленное лицо обдул ветер; Сердце Алексея захлестнула радость; Григория оковало безразличие.* Кроме того, для предложений (1)–(7) характерна неопределенность препозитивной именной группы.

Таким образом, в плане полемики с [1] мы попытаемся показать, что предложения (1)–(4) и предложение (5) имеют одну и ту же коммуникативную структуру и что эта коммуникативная структура не принадлежит к типу "тема-новое – рема" и к экспрессивному типу. Кроме того, мы попытаемся ответить и на следующие вопросы. 1. Каково место исследуемой коммуникативной структуры в коммуникативной парадигме предложений с заданной лексико-синтаксической структурой (о коммуникативной парадигме см. [5, с. 596–610; 6–7]). 2. Какова семантика предложений, допускающих данную коммуникативную структуру? 3. Какие синтаксические структуры допускают данную коммуникативную структуру? 4. Какой вклад в семантику предложения вносит рассматриваемая коммуникативная структура по сравнению с нейтральной? В результате решения этих задач мы сможем ответить и на более частные вопросы. 5. Почему при некоторых условиях двойной выделительный акцент, который служит показателем ремы, и интонация незавершенности, маркирующая тему, эквивалентны с семантической точки зрения: *Радость наполнила его душу – Радость наполнила его душу?* 6. В каких случаях выделительный акцент, в предложениях с рассматриваемой линейно-синтаксической структурой невозможен, по крайней мере, при условии сохранения тех особых семантических свойств, которыми обладают предложения (1)–(5)? 7. Какова функция рассматриваемой коммуникативной структуры в художественном тексте?

1. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА С ВТОРИЧНОЙ РЕМОЙ

Мы рассмотрим коммуникативные структуры, которые обычно различаются для линейно-синтаксической структуры "группа подлежащего – группа сказуемого", и покажем, что ни одна из них для предложений (1)–(7) не подходит. Тем самым будет обоснована необходимость введения особого типа коммуникативной структуры. Рассмотрим предложение (8), которое в синтаксическом отношении устроено более просто, чем предложение (1), но реализует ту же коммуникативную структуру.

(8) *Ариша мелькнула в окне и исчезла* (Окуджава)

1. Как мы уже показали на примере (1), данному типу предложений нельзя приписать коммуникативную структуру

$[T][R]$,

где T – тема, а R – рема, т.к. компонент, претендующий на роль темы, несет на себе двойной выделительный акцент, т.е. ударение, характеризующее рему.

2. Предложения (1)–(8) нельзя отнести к коммуникативно нерасчлененному типу $[]_R$ хотя бы потому, что в них два выделительных акцента – один, двойной, на группе подлежащего, и другой – на группе сказуемого (в примере (8) – это слова *Ариша* и *исчезла*), тогда как в нерасчлененных предложениях должен быть один выделительный акцент. Кроме того, препозиция подлежащего должна придавать нерасчлененному предложению экспрессивное звучание – нейтральная коммуникативно нерасчлененная структура имеет один выделительный акцент на постпозитивной группе подлежащего:

(9) *В окне мелькнула и исчезла Ариша.* Между тем экспрессивность у таких предложений отсутствует.

3. Предложения (1)–(8) не принадлежат также и к типу $[]_{R1}[]_{T}[]_{R2}$ с дислокацией сложной ремы (см. [7, с. 122]), в котором R1 и R2 не независимые ремы, а представ-

ляют собой части атрибутивной группы, являющейся единой ремой. Предложения с дислокацией сложной ремы строятся по следующему образцу. «В предложениях, построенных по схеме "сказуемое – подлежащее"... или "детерминант – сказуемое – подлежащее" с группой подлежащего, представляющей собой атрибутивное словосочетание, прилагательное извлекается из состава группы подлежащего и ставится перед сказуемым, а имя существительное остается после сказуемого на последнем месте в предложении» [7, с. 122]. Примеры:

(10) *Ранний перепадал снежок* (Шолохов); *Сильная крутила метель* (Сейфулина).

Предложения с дислокацией сложной ремы являются стилистическими вариантами нерасчлененных предложений и имеют рамочную акцентную структуру с ударением на прилагательном и существительном. Признаком, позволяющим заключить, что коммуникативная структура предложений (1)–(8) не относится к типу с дислокацией сложной ремы, служит синтаксическая независимость ударных слов в предложениях (1)–(8).

4. Предложения (1)–(8) не относятся к типу $[]_T []_{R1} []_{R2}$ с двумя или более последовательно расположенными ремами, которые относятся к одной теме (о двух ремах см. [6, с. 27]); ср. предложение с такой структурой из [6]:

(11) *Дело происходило // не так давно // в Московском городском суде*

Ясно, что группы *Ариша* и *мелькнула в окне и исчезла* в примере (8) нельзя рассматривать как две соподчиненные ремы, хотя бы потому, что в предложении нет темы, к которой они могли бы относиться.

5. Не относятся рассматриваемые предложения и к коммуникативной структуре с контрастной ремой, хотя и совпадают с ней в части реализации. Отличие состоит в том, что в предложениях (1)–(8) у ударного слова нет противочлена, который имеется, например, в предложении (13), действительно содержащем контрастную рему *Ариша*:

(13) *Ариша мелькнула в окне, (а не Софья Александровна).*

6. Отсутствие соответствующего контекста не позволяет интерпретировать исследуемые предложения как имеющие неингерентную тему (о предложениях с неингерентной темой см. [8–9]). Предложения с неингерентной темой связаны с контекстом причинными, атрибутивными и другими отношениями:

(14) *(В дом он не пошел:) Ариша в окне мелькнула.* Между тем предложения (1)–(8) не имеют обязательной смысловой связи с предшествующим контекстом. Добавим также, что интонационные центры в предложениях с неингерентной темой и в исследуемых предложениях совпадают не всегда даже при условии совпадения лексико-синтаксических структур, ср., например, предложение (5) и предложение (15). Последнее характеризуется неингерентной темой, которая выражена ударностью дополнения *лицо*, в то время как в предложении (5) главное фразовое ударение – на подлежащем:

(15) *(Он помогился и отвернулся.) Ветер лицо обдул.*

Итак, мы рассмотрели шесть типов коммуникативных структур, допустимых для предложений с линейно-синтаксической структурой "группа подлежащего – группа сказуемого", и показали, что для предложений (1)–(8) не подходит ни один из них. Это дает нам основание выделить особый тип коммуникативной структуры. Будем называть его суперпозицией ремы – $[[]_{R1}]_{R2}$. Назовем в предложении типа (1)–(8) компонент, выраженный группой подлежащего, главной ремой, потому что подлежащее несет на себе главное фразовое ударение, а компонент, выраженный группой сказуемого, – вторичной ремой. Семантическая интерпретация данной структуры основывается на соображении, высказанном И.И. Ковтуновой и состоящем в том, что предложение (1) включает в себе два сообщения: главная рема соотносится с сообщением 1) Была страшная буря, а вторичная рема – с сообщением 2) Эта буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции.

Результатом суперпозиции ремы является сжатое высказывание, "... заключающее в себе по меньшей мере два сообщения. Смысл первого сообщения – в утверждении существования или возникновения какого-нибудь явления, второе содержит дальней-

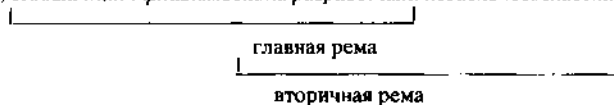
шую характеристику этого явления" [1, с. 265]. Данный отрывок содержит по существу семантическую интерпретацию предложений с суперпозицией ремы. Подобную семантическую структуру можно усматривать и в предложениях без суперпозиции ремы, где те же значения выражаются другими средствами. Суперпозиция ремы накладывается на предложения описываемой семантики и усиливает (дублирует) их значение подобно тому, как, скажем, союз *но*, имеющий значение противоречия, может связывать два предложения, противоречивые сами по себе.

Сказанное И.И. Ковтуновой о "сжатых" предложениях близко анализу бытийных предложений, который дает Н.Д. Арутюнова в книге [10, с. 53–55]. В [10] указывается, что «рема бытийных предложений "двойственна": она содержит в себе бытийное и таксономическое значение. Предложение сообщает одновременно и о существовании или отсутствии предметов в той или другой области, и об их вхождении в определенный разряд...»:

(16) В этом краю ^гесть ^греки и озера.

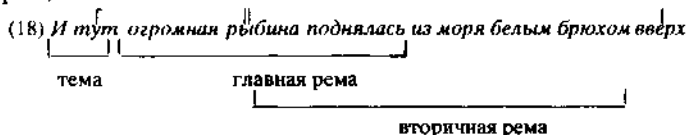
В дальнейшем для обозначения двух выделенных в предложениях (1)–(8) семантических компонентов мы будем использовать следующие термины. Первый компонент значения (в предложении (1) это *Была страшная буря*) будем называть бытийным, а второй (в предложении (1) это *Эта буря рвалась и свистела...*) – характеризующим. Бытийные предложения, анализируемые Н.Д. Арутюновой, не характеризуются суперпозицией ремы в том смысле, в каком мы вводим это понятие, т.к. в нейтральных бытийных предложениях нет линейно-акцентных средств, выделяющих главную и вторичную рему и разделяющих бытийное и характеризующее значение на уровне коммуникативной структуры. В бытийном предложении *Была страшная буря*, которое соответствует первому компоненту значения предложения (1), интонационным и коммуникативным центром служит группа подлежащего. Она располагается при нейтральном типе коммуникативной структуры в конце предложения. Десемантизованное и безударное сказуемое играет по отношению к подлежащему подчиненную роль и коммуникативно незначимо. При суперпозиции ремы возникает семантически и коммуникативно полноценная рема. Она выражается группой сказуемого и соответствует сообщению 2) *Эта буря рвалась и свистела...*. Эта рема вытесняет главную рему (вернее, ее релевантную часть) с конечной позиции. Однако ударность подлежащего – конституирующее свойство ремы – при перемещении в начало предложения сохраняется. Элементы актуального членения – темы и ремы – это всегда линейные отрезки высказывания, куски текста. Рассмотрим предложение (17), более короткое, чем (1), и разделим его на фрагменты, соответствующие выделяемым элементам коммуникативной структуры, – главную и вторичную рему:

(17) Новый тип офтальмоскопа разработали недавно югославские врачи

Этим фрагментам соответствуют два сообщения – бытийное (*Разработан новый тип офтальмоскопа*) и характеризующее (*Его разработали югославские врачи*).

Наличие темы для предложений с суперпозицией ремы, вообще говоря, нехарактерно, но она тоже может быть:

Таким образом, возникает новая коммуникативно и семантически "двойственная" структура с двумя фразовыми ударениями. Как уже говорилось, семантическая двой-

ственность может быть выражена не только суперпозицией ремы. Так, еще в 1939 г. В. Матезиус выявил глубинную структуру предложений с неопределенным препозитивным подлежащим при непереходном глаголе как результат компрессии. Предложение *Утка плавала по реке* выводится из *Была утка. Однажды она плавала по реке*. П. Рестан [11], рассматривая вопросы "сжатия" двух сообщений в одно, не обсуждает особенностей интонационного контура предложения *Утка плавала по реке*. Между тем в нем, как и в предложениях (1)–(8), возможно два типа ударения на слове *утка* – это двойной выделительный акцент и интонация незавершенности. В случае интонации незавершенности мы наблюдаем лишь семантическую компрессию, т.к. употребление имени неопределенного объекта в роли темы предполагает его существование. Это значение в рассматриваемом примере и соответствует первому из "сжатых" компонентов – *Была утка*. Итак, наличие двух утверждений в коммуникативной структуре не выражается. В случае же двойного выделительного акцента на подлежащем *утка* вычленение двух семантических компонентов выражается не только семантическими средствами, но и поддержано коммуникативной структурой. В дальнейшем сходства и различия предложений с интонацией незавершенности и двойным выделительным акцентом на препозитивном имени будут рассмотрены более подробно.

В одной из московских телепередач ведущий обсуждал новый "Закон о банкротстве". Имея в виду, что в нашей стране опыт частного предпринимательства весьма невелик, он решил обратиться за помощью к американскому коллеге. Пока американца еще не было в кадре, ведущий сделал представляющий жест рукой в ту сторону, откуда должен был появиться американский юрист, и произнес буквально следующее: *Судья Сидни Брук много знает об этом*. В этом высказывании с двумя выделительными акцентами заключено два сообщения: интродуктивное – *Вот судья Сидни Брук*; и характеризующее – *Он много знает об этом*. Здесь можно говорить об интродуктивной стратегии в первом значении слова "интродукция", когда говорящий представляет аудитории незнакомца и при этом указывает на него рукой, делая дейктический жест.

2. МЕСТО КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ С СУПЕРПОЗИЦИЕЙ РЕМЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ В ЗНАЧЕНИИ БЫТИЙНЫЙ И ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТЫ

Анализ коммуникативной структуры с суперпозицией ремы требует решения следующих задач (по [6]): 1) определения нейтральных (исходных) членов коммуникативных парадигм, в которые входят предложения с суперпозицией ремы; 2) описания линейно-акцентных преобразований, которые имеют место при переходе от исходной структуры к исследуемому члену коммуникативной парадигмы; 3) установления того вклада, который вносит в семантическую структуру предложения изменение коммуникативной структуры.

Кроме структуры с вторичной ремой, мы рассмотрим другой член коммуникативной парадигмы, семантически родственной структуре с вторичной ремой. Это коммуникативная структура $[]_T []_R$, которая получается из исходной путеммены местами и типами ударений именных групп, составляющих тему и рему. При этом тема исходного становится ремой результирующего, а рема – темой последнего: *В соседнем лесу скопилось шестая дивизия – Шестая дивизия скопилось в соседнем лесу* (Бабель).

Как было показано в предыдущем разделе, предложения с суперпозицией ремы содержат в своем значении бытийный и характеризующий компоненты. Поэтому суперпозиция ремы в принципе возможна и в бытийных предложениях, и в предложениях характеристики. Однако необходимо, чтобы бытийное значение содержало в своем значении также и элемент характеристики, а предложение характеристики – бытийный компонент.

2.1. Коммуникативная парадигма бытийных предложений

При нейтральной коммуникативной структуре в бытийном предложении тема-данное – это локализатор, а рема – бытийный глагол в совокупности с именем бытующего предмета:

(19) *В этом краю есть леса* [10, с. 53]; *В окне мелькнула Ариша*.

Когда к бытийному предложению применяется линейно-акцентное преобразование "суперпозиция ремы" происходит актуализация сразу двух компонентов – бытующего предмета и локализатора. Формальная сторона этого преобразования состоит в следующем. Имя бытующего предмета перемещается на начальное место в предложении и получает двойной выделительный акцент. Локализатор – приобретает выделительный акцент и помещается на последнее место. Рассмотрим примеры из рассказов И. Бабеля, изобилующих предложениями с суперпозицией ремы:

(20) *Я сидел в стороне, дремал, сны прыгали вокруг меня*.

(21) *На санитарной линейке умирает Шевелев, полковой командир*. Женищина сидит у его ног;

(22) *Мы пришли на кухню, и Рубцова поставила меня под кран*. Гусь жарился на кафельной плите...;

(23) *Пышная звезда блеснула у него на груди*.

Вклад данного преобразования в семантическую структуру предложения состоит 1) в расчленении бытийного и характеризующего значения и 2) в усилении значения существования/появления на сцене бытующего предмета. Какое именно значение усиливается – существования или появления на сцене – зависит от значения глагола. Для глаголов несовершенного вида – *прыгали* (пример (20)), *сидит* (пример (21)) и *жарился* (22) – это значение существования, а для глагола совершенного вида *блеснула* (23) – это значение появления в поле зрения рассказчика. Не следует, однако, думать, что значение существования/появления на сцене полностью определяется видом глагола. Так, глагол совершенного вида *ушел* не может иметь значения появления на сцене, а глагол несовершенного вида *отсутствует* – значение бытования.

Итак, в предложениях с суперпозицией ремы коммуникативная и семантическая структура тесно связаны, а именно: коммуникативная структура вносит, по сравнению с нейтральной, существенный вклад в семантическую структуру – это дополнительное значение появления на сцене нового значительного предмета или его существования.

Значение неожиданности появления выражается не коммуникативными, а лексическими средствами – словами *вдруг, внезапно, только что, как только*, глаголами мгновенного подвига – суперпозиция ремы только подчеркивает это значение, ср. примеры из [6, с. 28]:

(24) *Только что я вошел в опушку, вальдшнеп со стуком поднялся из-за куста* (Тургенев);

(25) *Боб... выбежал из дома и в зубах за рубашку нес девочку* (Л. Толстой);

(26) *В нескольких шагах от меня раздался крик: испуганное лицо молодой девушки выглянуло из-за деревьев* (Тургенев).

В работе [2], посвященной коммуникативной структуре предложений существования/появления на сцене, Я. Фирбас указывает, что сцена (локализатор) может быть выражена не только обстоятельством, но и дополнением (27); англ. *A cold blue light filled the window panes* (Mansfield); англ. *A dumb and grumbling anger swelled his bosom* (Galsworthy).

Здесь следует уточнить употребление терминов, заимствованных нами из анализа бытийных предложений Н.Д. Арутюновой [10], и анализа предложений существования/появления на сцене, проведенного Я. Фирбасом [2]. Бытийные предложения (положительные, т.е. не содержащие отрицания) представляют собой частный случай предложений существования/появления на сцене. Однако, рассматривая на самом деле

предложения существования/появления на сцене, мы употребляем более узкую терминологию, разработанную для описания бытийных предложений. Так, бытийный компонент в значении предложения мы понимаем расширительно – как значение существования/появления на сцене. При этом отрицательные бытийные предложения, сообщающие об отсутствии предметов в некоторой области бытия, мы пока не рассматриваем, т.к. они лишены значения существования/появления на сцене и, как можно предположить, не реализуют коммуникативной структуры с вторичной ремой. Впоследствии, правда, будет показано, что в предложениях с бытованием события встречаются глаголы и небытийной семантики. Кроме того, значение существования может быть компонентом значения именной группы, называющей бытующий предмет. Приведем предложения с локализатором, который выражен дополнением. Эти предложения тоже попадают в круг рассмотрения, не являясь в строгом смысле бытийными:

- (28) *Предвестие истины коснулось меня* (Бабель);
- (29) *Предвестие тайны коснулось меня* (Бабель);
- (30) *Детская боязливая радость овладела ими* (Бабель);
- (31) *Томительная теплота потрясла основы моей души* (Бабель).

Другое линейно-акцентное преобразование, которое можно применить к бытийным предложениям, – это тематизация бытующего предмета. При тематизации имя бытующего предмета и локализатор меняются местами и типом ударения: подлежащее становится темой, а локализатор – ремой предложения:

- (32) *Ариша мелькнула в окне; Утка плавала по реке.*
- Шестая дивизия скопилась в соседнем лесу*

Семантический эффект тематизации бытующего предмета в общем случае совпадает с семантическим эффектом суперпозиции ремы с той небольшой разницей, что суперпозиция ремы производит более сильное впечатление, останавливая внимание слушающего на факте существования или появления на сцене бытующего предмета, имя которого получает главное фразовое ударение и выносится в препозицию. Предложения с тематизацией бытующего предмета уподобляются нейтральному типу предложений характеризации, ср. предложения (32), которые являются результатом тематизации бытующего предмета и предложение (33), которое представляет собой предложение характеризации нейтрального типа:

- (33) *Ариша связала рукавички.*

Тематизацию бытующего предмета можно рассматривать как персвод бытийного предложения в предложение характеризации, так как главное фразовое ударение получает компонент предложения, именующий характеризующее значение.

Мы рассмотрели два линейно-акцентных преобразования, которым подвергаются бытийные предложения, и определили место коммуникативной структуры с суперпозицией ремы в коммуникативной парадигме бытийных предложений. О других преобразованиях коммуникативной структуры бытийных предложений см. [10, с. 53 и сл.]; о преобразованиях коммуникативных структур вообще, которые могут, в частности, подвергаться и бытийные предложения, см. [6, с. 27–30].

2.2. Коммуникативная парадигма предложений характеризации

Рассмотрим теперь место предложений с вторичной ремой в коммуникативной парадигме предложений характеризации. И.И. Ковтунова выделяет несколько нейтральных типов коммуникативной структуры предложений характеризации, рассматривая, однако, не собственно предложения характеризации, а предложения с синтаксической структурой, которая определяется тем, что их группа сказуемого выражена глагольным сочетанием с зависимой словоформой. Предложения такого синтаксического типа – не единственный, но наиболее распространенный тип предложений характеризации. Часть предложений такой синтаксической структуры

нами уже рассмотрена – это предложения существования/появления на сцене, где сцена (локализатор) выражена дополнением.

Для суперпозиции ремы в предложениях характеристики существенно, что применимость этого линейно-акцентного преобразования и его результаты зависят от того, какой член синтаксической структуры выражает бытующий предмет – подлежащее или дополнение. При суперпозиции ремы именно он получает главное фразовое ударение и продвигается в препозицию. Итак, поскольку применимость суперпозиции ремы определяется наличием в семантической структуре предложения бытийного компонента, мы отвлечемся от типов коммуникативных парадигм, выделяемых в [7], и рассмотрим способы выражения бытийного значения в предложениях характеристики, так как именно это в конечном счете определяет способность членов синтаксической структуры выражать коммуникативную структуру с суперпозицией ремы.

Значение бытующего или возникающего предмета может быть выражено двумя способами. Во-первых, это может быть неопределенность одного из участников обозначаемой предложением ситуации. Неопределенность может выражаться лексемами *какой-то, новый, внезапный* и др., указывающими на бытование или появление на сцене:

(34) *Какая-то женщина с искаженным лицом целовала покойника в посиневшие губы и швырнула в священника обручальным кольцом* (Вертинский).

Кроме того, значение существования может содержаться в семантической структуре глагола, подчиняющего соответствующую именную группу. Так, при глаголах *создавать, разрабатывать, приобретать, открывать* и др. значение бытующего предмета имеет дополнение и при суперпозиции ремы именно оно становится главной ремой:

(35) *Говорящего попугая приобрел на Птичьем рынке А.В. Порошков;*

(36) *Новый тип офтальмоскопа разработали недавно югославские врачи.*

При глаголах *создаваться, разрабатываться, вариться, приезжать, высказывать* и др. бытующий предмет выражается подлежащим: (37) *Метропоезд из облегченных поездов создан бельгийской фирмой "Скурвегматериел эн металконструктиес".*

Итак, при суперпозиции ремы в предложениях характеристики происходят следующие линейно-акцентные преобразования: имя бытующего и характеризуемого предмета, которое при нейтральной коммуникативной структуре может располагаться в конце предложения, приобретает двойной выделительный акцент и продвигается в препозицию, а именная группа, которая соответствует характеризующему компоненту значения предложения, помещается в конце и выделяется вторичным фразовым ударением. Значит предложение *Утка плавала по реке* – это результат суперпозиции ремы, примененной к нейтральному предложению *По реке плавала утка*, предложение (36) – результат суперпозиции ремы в применении к предложению *Югославские врачи разработали недавно новый тип офтальмоскопа*, а предложение *Томительная теплота потрясла основы моей души* – результат суперпозиции ремы в предложении *Основы моей души потрясла томительная теплота*.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВЫРОЖДЕННЫМ ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМ КОМПОНЕНТОМ

В предложениях с суперпозицией ремы характеризующий компонент может быть ослаблен и с семантической, и с интонационной точки зрения. Интонационное ослабление выражается в безударности конца предложения, а семантическое – в том, что характеризующий компонент как бы дублирует бытийный. Такое дублирование происходит в том случае, когда компонент характеристики выражен сказуемым, близким по значению бытийному глаголу и не имеет зависимых членов. Если в предложении (1) и, скажем, (8) характеризующий компонент выражен однородными сказуемыми и имеет, таким образом, полноценное семантическое и интонационное исполнение за счет второго сказуемого, утяжеляющего характеризующую часть, то в предложениях

(38) *Грачи^{||} прилетели*

два соответствующих ему сообщения – бытийное 1) *Появились грачи* и – характеризующее – 2) *Они прилетели* – близки по значению, что нейтрализует вторичную ремю. От суперпозиции ремы остается лишь инверсия и дополнительное подчеркивание значения появления грачей. Дополнительное бытийное значение, достигаемое в предложениях с ударным препозитивным подлежащим и сказуемым со значением существования/появления на сцене, придает живость изображаемому, сообщает впечатление развертывания картины перед глазами.

Линейно-акцентная структура предложений с вырожденной ремой может давать совпадения с экспрессивными предложениями, такими как (39) (см. [7, с. 154]):

(39) *Вот и лето настало* (Пришвин).

Значит предложение (38) может быть интерпретировано двояко – как нерасчлененное экспрессивное предложение и как предложение с вторичной ремой. С формальной точки зрения оно могло бы интерпретироваться и как структура с контрастным выделением или с неинтересной темой, но эти два последних типа коммуникативных структур требуют специфического контекста. Итак, в предложениях типа (38), считавшихся ранее экспрессивными вариантами нерасчлененных предложений, препозиция ударного подлежащего служит зачастую не выражением эмпазы, а подчеркиванием значения существования/появления на сцене, что придает соответствующему событию особую значимость.

Семантическая весомость конечной группы предложения с вторичной ремой определяется степенью ее распространенности: чем более удален и семантически независим от начала конечный компонент предложения, тем сильнее падающее на него вторичное ударение. Таким образом, степень вырожденности вторичной ремы образует шкалу, значения которой убывают от предложений с распространенным характеризующим компонентом (в частности, от предложений с однородными сказуемыми) через предложения с зависимой от глагола словоформой-местоимением до предложений с бытийным глаголом, не имеющим зависимых членов.

4. ИНТРОДУКЦИЯ СОБЫТИЯ

В предыдущих разделах было показано, что суперпозиция ремы возникает в предложениях, содержащих в своем значении бытийный компонент. Это значение, которое мы определили как существование или появление на сцене некоего важного, существенного с точки зрения говорящего предмета, может проявляться в новизне, неизвестности, неопределенности или просто в отсутствии определенности этого предмета и/или входить в значение соответствующего сказуемого.

В обзоре Ю.С. Мартемьянова [12, с. 68–69] рассматриваются примеры (они, в свою очередь, взяты из работ Э.И. Королева), где в ряду предложений, целиком соответствующих уже описанной нами коммуникативной структуре с суперпозицией ремы (40) и (41) имеется предложение (42), не согласующееся с нашей интерпретацией. Оно не содержит бытующего предмета в том смысле, в котором мы ввели это понятие. Между тем нельзя не признать, что перед нами коммуникативная структура, обладающая некоторыми свойствами суперпозиции ремы. (Акцентная разметка в примерах (40)–(42) – наша. – Я Т)

(40) *Интересный^{||} метод обработки трансформаторов^{||} разработан в США.*

(41) *Новые волнения вспыхнули в этом году на улицах Бруклина*

(42) *Известный немецкий писатель Эрих Мария Ремарк умер вчера в предместьях Бонны*

Полемизируя с Э.И. Королевым, Ю.С. Мартемьянов усматривает здесь "... возможность совмещения в одном предложении нескольких высказываний с ремами разного порядка". Действительно в (40) и (41) имеется новый, неизвестный ранее объект и сказуемое со значением возникновения, т.е. перед нами чистый случай предложений появления на сцене, где бытующий предмет вынесен в препозицию и отмечен двойным выделительным акцентом. Характеризующий компонент в этих предложе-

ниях тоже достаточно весом – в нем событие появления на сцене характеризуется с точки зрения времени и места. Коммуникативная структура подчеркивает существование происшедшего, ср. нейтральные предложения (40а) и (41): (40а) *В США разработан интересный метод обработки трансформаторов*; (41) *На улицах Бруклина в этом году вспыхнули новые волнения*.

Интуитивно очевидно, что коммуникативной структуре предложения (42), в котором нет ни нового и неопределенного бытующего предмета, а есть известный писатель Ремарк, ни глагола существования/появления на сцене, а есть глагол *умер*, может быть приписан тот же смысл, что и коммуникативной структуре с суперпозицией ремы, как и предложениям, рассмотренным ранее. Попробуем эксплицировать этот смысл применительно к предложению (42):

Сообщение 1 – произошло значительное событие Е – умер Ремарк;

Сообщение 2 – это событие Е произошло вчера в предместье Бонна.

Итак, по аналогии с предложениями, в которых особыми коммуникативными средствами высвечивается бытующий предмет (т.е. ему придается особая значимость) и затем дается его характеристика, выделим класс предложений, где бытующим предметом служит событие. Функция коммуникативной структуры здесь заключается в том, чтобы указать на значительность происшедшего. Отсюда коммуникативная обособленность и акцентное выделение этого бытийного компонента особого рода. Здесь возникает вопрос о том, является ли двойной выделительный акцент в предложениях с суперпозицией ремы фразовым ударением, т.е. формирующим предложение, или он служит смысловому выделению одного слова, группа которого обозначает бытующий предмет, как это бывает при контрастном выделении или эмфазе (проблеме различения акцентных выделений и фразовых ударений посвящена книга Т.М. Николаевой [13]). Рассматриваемые типы ударений, безусловно, принадлежат к фразовым; другое дело, что линейно-акцентная структура, во всяком случае – в русском языке, в существенной степени иконична, поэтому довольно часто бывает так, что фразовые ударения действительно приходятся на важные для говорящего сегменты предложения. Сделаем небольшое отступление, чтобы пояснить последнее положение.

Напрашивается аналогия со словесным ударением, основная функция которого состоит в том, чтобы формировать отдельное фонетическое слово, но которое может в некоторых редких случаях служить выражению контраста, т.е. быть семантическим: *Он вышел, а не вошел*. При отсутствии же контраста ударный слог *вы-* в слове *вышел* ничем не значительнее безударного. Аналогично, фразовое ударение в предложении *Пришла весна* приходится на слово *весна*, что делает предложение фонетически завершенным и отдельным. Однако во фразе, в отличие от слова, то, что ударно, то и коммуникативно более весомо: ударная конечная группа играет роль развязки. И в этом смысле порядок слов иконичен – он отражает стратегию построения высказывания от исходной точки – темы – к финалу, максимуму коммуникативного динамизма, – реме.

Однако собственно стратегия построения высказывания в существенной степени канонизирована языком. Говорящий, безусловно, имеет выбор, когда строит различные высказывания с одинаковым денотативным содержанием в зависимости от своих коммуникативных намерений. Но существуют и такие показатели нейтральной стратегии построения предложения, как нейтральная коммуникативная структура, немаркированный залог и правила системного упорядочения, в соответствии с которыми в русском предложении на первом месте оказывается, скажем, подлежащее (если там есть также и дополнение), затем следует глагол, а за ним дополнение: *Мама мыла раму*. Это один из типов расстановки слов, существуют и другие. Так, бытийные предложения строятся по модели: "локализатор – глагол – имя бытующего предмета в роли подлежащего" или "глагол – имя бытующего предмета": *В этом краю есть леса; Пришла весна; Происходят перемены*. Максимальная коммуникативная нагрузка

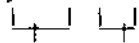
ка здесь у слов *леса, весна и перемены* соответственно. Во фразе они коммуникативно более весомые, чем глагол с бытийным значением (начало, тему, мы сейчас не рассматриваем – ее место и акцентуация известны). Значит, и с формальной, и со смысловой точки зрения они должны попасть в выделенную – конечную и ударную – позицию.

Итак, словесное ударение несемантически, играет формирующую роль, т.е. абсолютно формально, и практически не имеет альтернатив – его место в слове задано по определению – это часть плана выражения. Акцентное выделение при эмфазе и контрасте абсолютно семантически: ударно то, что служит предметом противопоставления (*Ариша пришла, а не Софья Александровна*) или сильных чувств (*Двадцать крош я за нее отдала!*; *Даже Вася пришел; Какая гадость!*). Фразовое ударение имеет черты и того, и другого. С одной стороны, его выбор в предложении (т.е. выбор слова-носителя) формален, т.к. определяется структурной схемой предложения, а внутри нее актантной структурой предиката и градацией по известности/неизвестности (определенности/неопределенности). А с другой стороны, собственно выбор структурной схемы, предиката и диатезы определяется коммуникативными намерениями говорящего и свобода такого выбора достаточно велика. Поэтому в результате такого выбора носителем фразового ударения оказывается коммуникативно наиболее значимый компонент. Значит, фразовое ударение одновременно и формально, и семантически.

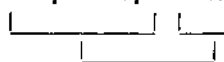
В нейтральных предложениях носитель фразового ударения располагается в абсолютном конце, т.е. порядок слов и интонация в существенной степени дублируют друг друга. Если нейтральный порядок слов нарушен – например в разговорной речи – роль ударения повышается: оно отметит коммуникативный центр, даже и не в конечной позиции. В нейтральных распространенных предложениях с многоактантными предикатами роль порядка слов естественно повышается, так как актанты должны быть упорядочены в соответствии с нарастанием коммуникативного динамизма. В предложениях же с контрастом роль порядка слов для русского языка существенно снижается – слово с сильным акцентом (двойным выделительным против выделительного в нейтральном предложении) может находиться практически на любом месте: *Он звал Машу, а не Сашу; Машу он звал, а не Сашу; Он Машу звал, а не Сашу.*

Иначе говоря, может показаться, что в бытийных предложениях ударна та группа, которая обозначает бытующий предмет, т.е. что роль фразового ударения чисто семантическая. Это не совсем так. Можно также сказать, что в бытийных предложениях ударно подлежащее – это уже достаточно формальный критерий. Кроме того, известно, что фразовое ударение в нейтральной речи приходится на конец предложения. Это еще более формальный критерий. Однако совпадает в конечном счете ударная группа с группой, обозначающей бытующий предмет. Результат такой, как если бы критерии расстановки ударений были семантическими. Вернемся к предложениям с суперпозицией ремы. В предложениях (1)–(8), (40), (41) и других двойным выделительным акцентом отмечена группа бытующего предмета, так как именно она является наследницей фразового ударения реконструируемых нейтральных бытийных предложений, которые мы усматриваем в глубинной структуре предложений с суперпозицией ремы. *Была буря; Появилась собачка; Раздался странный звук; Налетел ветер; Возникли волнения.* Какое же слово станет носителем двойного выделительного акцента, а также конечного простого выделительного акцента в предложениях с бытованием события? Сравним акцентуированные пары предложений (43) и (44).

(43) *Была утка. Она плавала по реке.*

(44) *Умер Ремарк. Это произошло вчера в предместье Бонны*

(Здесь квадратными скобками помечены анафорически связанные элементы).

В результате суперпозиции ремы в обоих случаях получаются предложения с двойственной коммуникативной структурой, причем слова—носители фразовых ударений сохраняются: происходит как бы склейка по анафорически связанным, т.е. повторяющимся, элементам, которая сопровождается изменением порядка слов. В результате получаем предложения (45) и (42).

(45) *Утка плавала по реке.*

В предыдущем разделе рассматривались предложения с вырожденным характеризующим компонентом, которые хранят следы суперпозиции ремы, например, *Грачи прилетели*. Опустим в паре (44) характеризующий компонент – это подробности о том, где и когда умер Ремарк. Тогда от суперпозиции ремы, семантика которой состоит в том, чтобы придать значительность событию, указать на его новизну и масштабы, останется простая инверсия: *Ремарк умер; Король умер*. Нейтральным порядком слов здесь в соответствии с правилами расстановки слов в русском языке был бы следующий: *Умер Ремарк; Умер король*. Нельзя не признать, что проще описывать коммуникативную структуру предложений типа *Король умер* как эмфатическую инверсию, чем возводить ее к суперпозиции ремы. Однако, по-видимому, обе интерпретации, возможны и не противоречат друг другу. Просто суперпозиция ремы обладает большей степенью общности – в особенности это касается ее семантики: предложения с полноценным характеризующим компонентом и без него несомненно имеют вносимое коммуникативной структурой значение особой значительности бытующего предмета или происшедшего события.

Итак, при наличии двух компонентов – бытийного и характеризующего – в результате инверсии и особой (описанной ранее) акцентуации получаем *Ремарк умер вчера в предместье Бонна*, а когда характеризующий компонент отсутствует, – то получаем *Ремарк умер*.

Итак, в общем случае мы имеем дело с коммуникативной структурой, которую предлагается описывать как суперпозицию ремы. Она характеризуется особыми линейно-акцентными свойствами, о которых сказано выше. Суперпозиция ремы возможна в предложениях различной синтаксической и семантической природы, в которых она, соответственно, по-разному манифестируется. Коммуникативная структура с суперпозицией ремы не является нейтральной. Роль суперпозиции ремы в семантической структуре предложения состоит в смысловом обособлении некоего существенного с точки зрения говорящего предмета или события, которым в том же предложении может даваться (или не даваться) и некоторая дополнительная характеристика.

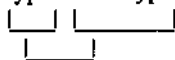
5. СЛОВА-НОСИТЕЛИ ФРАЗОВЫХ УДАРЕНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С СУПЕРПОЗИЦИЕЙ РЕМЫ

В предложениях с суперпозицией ремы мы реконструируем два основных типа пар сообщений:

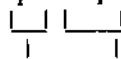
I. Появился/был/есть/вот важный предмет А. Это А – Р;

II. Произошло/происходит чрезвычайное событие Е: Это Е – Р. При этом Р может быть либо полнозначно, либо близко по значению к появился/был, либо вообще отсутствовать. Отсюда получаем следующие подтипы.

II.1. Была страшная буря. Эта буря рвалась и свистела.

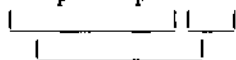

II.2. Была жара. Жара пылала.

II.3. Была жара.

II.4. Умер Ремарк. Это произошло вчера в предместье Бонна.

II.5. Умер король

При суперпозиции ремы слова—носители фразовых ударений (мы считаем их известными) сохраняются. Линейно-акцентная структура подчиняется при этом следующей закономерности: слово—носитель фразового ударения в первом реконструируемом сообщении получает двойной выделительный акцент, а группа этого слова (слово с зависимыми) целиком выдвигается в препозицию результирующего предложения. Слово—носитель фразового ударения второго из реконструируемых сообщений, если последнее имеется, получает простой выделительный акцент, а его группа располагается в постпозиции. Если характеризующий компонент Р семантически близок к бытийному и не отягощен зависимыми членами, то соответствующее слово интонационно ослаблено или безударно. Если характеризующий компонент отсутствует, то настоящая суперпозиция ремы фактически невозможна, а присущая ее семантике чрезвычайность некоего выделенного предмета или события выражается простой инверсией с соответствующей заменой ударений: препозитивная группа подлежащего, если она есть, перемещается в постпозицию и получает выделительный акцент, препозитивный глагол тоже перемещается в постпозицию и обычно безударен, а постпозитивная группа подлежащего или дополнения продвигается в препозицию и получает двойной выделительный акцент, при безударном глаголе — выделительный акцент. Таким образом, один из видов инверсии в соответствии с его вкладом в семантическую структуру предложения мы сводим к более общему случаю с суперпозицией ремы.

6. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СУПЕРПОЗИЦИЕЙ РЕМЫ И ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОСТИ РЕМ

Здесь нам придется вернуться к вопросу об инвентаризации предложений с множественными ремами, который уже был затронут во вступлении при постановке задачи. Проблема коммуникативной структуры, которую мы назвали суперпозицией ремы, требует специального обсуждения по крайней мере двух вопросов: 1) вопроса о соответствии коммуникативной структуры и средств ее выражения синтаксической структуре; 2) вопроса о статусе двух рем в пределах одного предложения. Оба вопроса взаимосвязаны.

Первый вопрос четко поставлен и с наиболее исчерпывающей полнотой решается для русского языка в книге И.И. Ковтуновой [7, с. 12–17, 60–67]. Там описаны основные типы соответствий синтаксической и коммуникативной структур. Суперпозиция ремы, при которой одна рема приходится на препозитивную группу подлежащего, а вторая рема — на постпозитивную группу сказуемого или детерминанта, известные типы соответствий актуального членения синтаксическому со всей очевидностью нарушает.

Уже упомянутые ранее предложения с дислокацией ремы, которые описаны в [7, с. 122–125], имеют особую синтаксическую структуру — препозитивный и постпозитивный акцентно выделенные компоненты представляют собой либо атрибутивное словосочетание *Странное мной владело ощущение* (Нагибин); *Невероятный поднялся после этого шум* (Соколов-Микитов), либо однородные члены *Рослая она вышла к семнадцати годам и красивая* (Сергеев-Ценский); *Я надеждой живу и радостью своих находок* (Пришвин)¹. В этих предложениях нет главного, что характерно для суперпозиции ремы, а также ее редуцированных (вырожденных) вариантов — ни спаянности воедино двух сообщений — бытийного и характеризующего — ни особенной значительности бытийного компонента: сообщении о существовании/появлении на сцене нового лица или предмета или наступлении выдающегося события. Итак, дислокация ремы $[]_{R1} []_T []_{R2}$, как справедливо показано в [7], — это не две ремы, а одна.

В [6] указывается, что в предложении могут быть две и более полноценные ремы.

¹ Примеры заимствованы из [7].

Автор называет их конечной, предконечной и т.д. Эти последовательно расположенные ремы сосуществуют в предложениях с более чем одноактантными глаголами и/или обстоятельством и не выводят коммуникативную структуру за пределы нейтральной. Между этими подряд расположенными ремами $[]_T []_{R1} []_{R2}$ обычно имеется или возможна пауза и они описывают события с различных и равноправных сторон или одна $n+1$ -я уточняет n -ю. Пример из работы Е.В. Падучевой [6]: *Этой проблемой || занимался Хартман || в течение многих лет*. Здесь *этой проблемой* – тема, *занимался Хартман* – предконечная рема (она может быть отмечена интонацией незавершенности на слове *Хартман*, характерной, кстати, не только для темы, но для незавершенности вообще), а *в течение многих лет* – конечная рема, которая отмечена выделительным акцентом.

Между множественными ремами могут существовать отношения включения, ср. примеры из работы [14, с. 205–206] (работа посвящена, впрочем, не проблемам коммуникативной структуры, а дублированию – синтаксическому соподчинению – актантов и сирконстантов с одинаковым синтаксическими ролями одному и тому же предикату): *Он придет в понедельник в 7 часов; Они сфотографировались на Арбате у ресторана "Прага"; Он жил в Москве на Арбате*. Подобные множественные ремы можно считать последовательными, их может быть более двух, и при подчеркнутой паузации, разделяющей соответствующие синтагмы, можно интерпретировать каждую не-первую рему как относящуюся к предыдущему сообщению в целом. Другой вариант интерпретации – считать эти ремы соподчиненными, т.е. относящимися к одной теме. Однако той характерной семантики, которая заключена в особой значительности бытийного компонента и присуща суперпозиции ремы, мы таким предложениям не приписываем.

Наиболее полное отражение идея "двухъярусности" коммуникативно охарактеризованных компонентов высказывания – темы и ремы – нашла в работах Ю.С. Мартемьянова [15–16] и его обзоре [12]. Ю.С. Мартемьянов указывает на ряд работ других авторов, где учитывается возможность сосуществования в одном простом предложении нескольких высказываний. В этой связи автор указывает на работы Е.В. Падучевой [17] и В.М. Труба [18]. Рассматриваются следующие примеры. В предложении *Он пошел не домой* (см. [17]) реконструируется «...сложный высказывательный состав: "Он пошел куда-то, но неверно, что он пошел домой"», в предложении *Автор благодарит НН, прочитавшего статью в рукописи* (см. [18]) высказывание *НН прочитал статью* квалифицируется Ю.С. Мартемьяновым вслед за В.М. Трубом как "...предварительная характеристика НН". Очевидно, что в предложении с отрицанием двойственность высказывания возникает за счет пресуппозиции и не выражается в двойственности рем, в случае с причастным оборотом второе высказывание в свернутом виде соответствует этому обороту, так что такому высказыванию здесь соответствует обособленное синтаксическое образование. В работе [15] Ю.С. Мартемьянов описывает различия в значениях, вводя понятие внутренней эмфазы и возможной "многоэтажной" эмфазы на теме или реме.

Итак, две ремы, если не считать того, что мы называем суперпозицией рем, могут возникать в следующих известных нам по литературе случаях: при соподчинении рем (*Этой проблемой занимался Хартман в течение нескольких лет*), в сложноподчиненных предложениях и в предложениях с обособлениями – причастными, деепричастными, уточняющими оборотами, где иерархия рем соответствует синтаксическому подчинению (*Автор благодарит НН, который прочитал статью в рукописи; Автор благодарит НН, прочитавшего статью в рукописи; Он протянул мне рукопись, объемистую и потрепанную*), предложениях с эмфазой, экспликация которой дает вставленную рему (*Прогулку друзьям пришлось отложить окончательно*) и, наконец, в некоторых предложениях с отрицанием, где реконструируется конъюнкция (дизъюнкция) двух высказываний, а, соответственно, и двух рем (*Резко*

он не затормозил = Либо он вообще не затормозил, а если и затормозил, то нерезко).

В результате суперпозиция ремы не совпадает ни с одним типом соответствия коммуникативных структур с двумя и более ремами синтаксическим структурам предложений, т.к. при ней наблюдается рематизация в одном простом предложении подлежащего (дополнения) и группы сказуемого (детерминанта) одновременно.

Вообще, нетрудно заметить, что в речи современных дикторов радио и телевидения при сообщении новостей и, в особенности – сенсаций, которые даются "одной строкой", прослеживается отчетливая тенденция отмечать двойным выделительным акцентом каждую группу предложения, имеющую выдающийся референт. Такое выделение мы не стали бы относить к эмфатическому словесному типу ударений, а к особому рематизирующему каждую выделенную синтагму нагнетанию коммуникативной напряженности: *Сессия верховного совета Таджикистана открывается сегодня по итогам событий прошедшей ночи; Проржавевшую авиационную бомбу подняли со дна моря тралом рыбаки Тихоокеанского флота.*

7. СОВПАДЕНИЕ ЛИНЕЙНО-АКЦЕНТНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СУПЕРПОЗИЦИИ РЕМЫ СО СРЕДСТВАМИ ВЫРАЖЕНИЯ ДРУГИХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУР

Линейно-акцентные средства выражения коммуникативной структуры с суперпозицией ремы могут быть неотличимы от средств выражения других коммуникативных структур, а именно: от коммуникативной структуры с контрастным выделением и коммуникативной структуры с неингерентной темой. Кроме того, ранее был рассмотрен случай совпадения вырожденной вторичной ремы с экспрессивной нерасчлененной структурой.

Коммуникативная структура с суперпозицией ремы свойственна контекстно независимым предложениям (см. пример (8)), зачастую открывающим текст или новый фрагмент текста, а предложения с контрастной ремой (пример (13)) и предложения с неингерентной темой (пример (14)) существуют только в соответствующем языковом или внеязыковом контексте. Поэтому по контексту можно определить, к какому из этих типов относится коммуникативная структура предложения. Разумеется, при недостаточном контексте атрибуция таких предложений может вызывать сомнения. Существуют такие семантические типы предложений, к которым суперпозиция ремы просто неприменима. Такая ситуация облегчает атрибуцию, а выделение типов предложений, не совместимых с суперпозицией ремы, проливает свет на семантику этой коммуникативной структуры. Поэтому на этом вопросе остановимся особо. Как было показано выше, суперпозиция ремы возникает в предложениях с бытованием предмета, нового, необычного или важного для развития сюжета, а также в предложениях, которые сообщают о некоем чрезвычайном или неожиданном событии. Рассмотрим случай с бытованием предмета. В предложении (8) подлежащее *Ариша* определенное, но в значение глагола *мелькнула* входит бытийный компонент *появилась* (в поле зрения рассказчика), который допускает суперпозицию ремы. Предложение же (33) *Ариша связала рукавички* с двойным выделительным акцентом на подлежащем *Ариша* можно интерпретировать только как предложение с контрастной ремой или эмфазой – неингерентная тема в этом предложении была бы выражена ударением на слове *рукавички*). По масштабу же происшедшего до предложения с бытованием чрезвычайного события это сообщение безусловно не дотягивает.

Как уже говорилось, бытийное значение в предложениях с бытованием предмета может быть выражено двумя способами: значением глагола или неопределенностью бытующего и характеризуемого предмета. Второй способ выражения значения существования имеет имплицитные средства, поэтому на нем следует остановиться особо

Как показано в работах Е.В. Падучевой (см. например [19, с. 87–88]), неопределенность, выражаемая словами *некоторый*, *какой-то* и др., а также отсутствием определенности препозитивного имени, соотносится с квантором существования, который и представляет собой бытийность в чистом виде, только соотнесенную с языком логики. В связи с этим предложения с неопределенным препозитивным подлежащим или дополнением могут иметь коммуникативную структуру с суперпозицией ремы даже в случае, когда сказуемое не содержит в своем значении бытийного компонента. Так, предложение (46) может иметь коммуникативную структуру с суперпозицией ремы, так как глагол *прийти* содержит значение появления на сцене, а предложение (47) в роли предложения с суперпозицией ремы не выступает, потому что включает глагол *уйти* и определенное подлежащее. Следовательно, значение существования/появления на сцене в предложении (51) отсутствует. (46) *Ариша пришла из лесу*; (47) *Ариша ушла в лес*. Ср. также предложение (48) с вторичной ремой, которая становится возможной в силу неопределенности подлежащего:

(43) *Какая-то Ариша ушла в лес*.

Роль фактора неопределенности демонстрирует пример (49), где предложения а) и б) имеют одинаковую линейно-синтаксическую структуру и содержат один и тот же глагол без бытийного компонента в значении, но в а) – определенное подлежащее, несущее интонацию незавершенности ("тематическую"), а в б) – неопределенное подлежащее с двойным выделительным акцентом ("рематическим"):

(49) а) *(Я происходил из нищей и бесполовой семьи.) Обстановка боргмановской дачи поразила меня* (Бабель); б) *(В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась.) Необыкновенное сходство поразило его* (Пушкин).

Далее. Сказанное ранее о бытовании предмета не всегда справедливо при описании события. В таком случае описание события как такового может не содержать бытийного компонента – сама коммуникативная структура внесет смысл *произошло чрезвычайное событие* Е. Пусть не Ариша в лес, а ушел Лев Толстой, и не просто погулять, а ушел навсегда, чтобы больше не вернуться. Сообщение о таком событии может быть выражено следующим образом: *Лев Толстой ушел из дому и умер в пути на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги*

8. КАК ОЗВУЧИВАЕТСЯ ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ

В предыдущем обсуждении все примеры рассматривались нами как звучащие, т.е. момент перехода от письменного текста к устному специально не учитывался. Между тем, в качестве бесспорной данности мог рассматриваться только письменный текст, такой, который оставлен нам Л. Толстым, Бабелем и Паустовским или возник на газетной полосе. Здесь мы сделали некоторое допущение, обойдя вниманием вопрос о том, что письменный текст может сохранять некоторую свободу при интерпретации коммуникативных намерений его автора. Итак, тот, кто читает вслух чужой текст, становится до некоторой степени соавтором писателя, который молчит и может порой лишь косвенно указывать на наиболее подходящую стратегию изложения. Подобно этому и предложение в устной речи, линейно-акцентная структура которого известна, не всегда однозначно членится на тему и рему или понимается как коммуникативно нерасчлененное, т.е. состоящее из одной только ремы. Значит, слушающий тоже до известной степени соавтор говорящего, так как тематическое членение воспринимаемого предложения не всегда однозначно.

Действительно, перед нами письменный текст – лексико-синтаксическая и линейная структура его известны, а задать его акцентную структуру еще только предстоит. И здесь возможны варианты. Описав выше семантическую структуру предложений, которые попали в круг рассмотрения, мы накопили достаточно материала для того, чтобы эксплицировать различие между написанным текстом и звучащим и рассмотреть чтение как отдельную задачу.

Возникает вопрос: как чтецу или диктору исполнять русскую фразу типа SVO или

OVS? Существует ли здесь выбор в интонировании, если учесть, что линейная структура известна? Ответ на эти вопросы дает анализ семантики глагола и референциальной отнесенности именных групп.

Пусть трактористы пахут поле и выкапывают из земли сундук с драгоценностями. Или рыбаки ловят рыбу и вынимают из сети боевой снаряд. Это, безусловно, большая неожиданность. Средства массовой коммуникации сообщают о таких событиях в разделе "Сенсации". В таком случае именная группа, называющая предмет изумления, новый и неожиданно возникший, не может служить в качестве отправной точки высказывания – темы. Тот, кто копал картошку никак не мог ожидать, что выкопает клад. Если разработан новый прибор, куплена птица, которая оказалась говорящей, открыто новое заведение, которого никогда раньше не было, о котором никто не думал и не мог думать, то соответствующая именная группа в предложении, которое сообщает о появлении этого неслыханного объекта, не должна интерпретироваться как тема.

Это ограничение, впрочем, – содержательное – никакого строгого запрета здесь быть не может, так как тема-рематическое членение и оппозиция известное/неизвестное (данное/новое) – это отдельные и не несовместимые в рамках одного речевого отрезка категории. Известность (данность), определенность часто скоррелированы с темой, но вообще – в воле говорящего преподнести и новое как тему. Однако принимать абсолютно неизвестный объект в качестве посылки высказывания оказывается неуместным.

Отсюда и соответствующее оформление в плане выражения: рематическая интонация – двойной выделительный акцент – на первой именной группе. Кажется, что следующие предложения (с препозитивной темой) в абсолютном начале текста невозможны: *"Новый тип офтальмоскопа разработали недавно югославские врачи; Проржавевшую авиационную бомбу подняли со дна моря тралом рыбаки; Говорящего попугая приобрел на Птичьем рынке А.В. Порошков.* Такие предложения могут возникнуть только тогда, когда о новом офтальмоскопе, бомбе, поднятой тралом со дна моря, или говорящем попугае уже шла речь.

Если же препозитивное имя соотносится пусть с новым и не находящимся в поле зрения коммуникантов объектом, но, освоенным, то его интерпретация в качестве темы не запрещена: *Томительная теплота потрясла основы моей души; Шестивесельная лодка причалила к самой беседке; Предвестие истины коснулось меня.*

Итак, полная неожиданность появившегося объекта – это абсолютный показатель рематической интерпретации препозитивного имени. Другие аспекты семантики и прагматики письменного текста (о них говорили выше), из которых вычитывается окончательная коммуникативная интерпретация рассматриваемых предложений, т.е. реконструируется коммуникативный замысел автора сообщения, сводятся к следующему: 1) присутствие компонента существования/появления на сцене в семантике сказуемого; 2) относительная новизна референта препозитивной именной группы; 3) определенность (известность) референта постпозитивной именной группы (*Предвестие истины коснулось меня; Свой юбилей отпраздновал Образцов; Годовщину путча отметили москвичи*).

Эти факторы стимулируют рематическую интерпретацию препозитивной именной группы, а всего предложения – как результата суперпозиции ремы.

Таким образом, необходимым условием суперпозиции ремы служит инверсия. Предположим, что это условие выполнено. Как действуют остальные факторы? Если референт препозитивного имени абсолютно неизвестен, то суперпозиция ремы оказывается единственной интерпретацией. Если референт препозитивного имени относительно неизвестен и/или в значение сказуемого входит компонент существования/появления на сцене, то интерпретация с суперпозицией ремы возможна и весьма вероятна.

Фактор новизны постпозитивного имени действует при определении порядка слов, т.е. служит косвенным свидетельством в пользу квалификации порядка слов как

прямого или обратного. Последнее положение нуждается в пояснении. Возьмем двухактантный глагол. В предложении с таким глаголом нейтральным порядком слов будет считаться и SVO и OVS (см. [7, с. 182]): *Лабораторию посетил профессор*; *Профессор посетил лабораторию*. Предложение *Лабораторию посетил профессор* следует понимать так, что лаборатория адресату и адресанту, скорее всего, была известна (например, это – "наша лаборатория"), а профессор – нет (возможно, это профессор вообще). Между тем, во втором предложении *Профессор посетил лабораторию* – наоборот, известен – профессор, а неизвестна – лаборатория. Поэтому будем считать, что, если именные группы в предложении типа SVO или OVS взяты с разными знаками относительно известности/неизвестности (данности/новизны), то порядок следования групп "известное-сказуемое-неизвестное" будет прямым, а "неизвестное-сказуемое-известное" – обратным. Такое предположение основано на том, что норма – в совпадении начала с известным, а конца – с новым. Отсюда следует, что в предложениях – *Томительная теплота потрясла основы моей души*; *Радость блистала на лице его*; *Маленькая собачка побежала ей навстречу* – обратный порядок слов, независимо от того, как будет интерпретироваться начальная именная группа – как тема или как рема. Значит данность/новизна именных групп в предложении могут участвовать в определении типа порядка слов, а соответственно, и возможной интерпретации его коммуникативной структуры как результата суперпозиции ремы.

Итак, если порядок слов в предложении обратный, по сравнению с нейтральным, препозитивная именная группа обозначает новое и/или в семантику сказуемого входит значение существования/появления на сцене, то перед нами предложение, которое может быть интерпретировано как результат суперпозиции ремы. Если чтец именно так поймет предложение, то и чтение будет соответствующим: на препозитивной именной группе – двойной выделительный акцент, на постпозитивной именной группе – простой выделительный акцент.

Далее, как результат суперпозиции ремы могут интерпретироваться некоторые предложения, которые отмечены единственным выделенным признаком, – обратным порядком слов. При этом препозитивное имя может соотноситься с известным и определенным объектом, а глагол – не содержать бытийного значения. Это предложения, в которых вводится в рассмотрение не объект, а целое событие. Прагматическим показателем к интерпретации такого предложения как результата суперпозиции ремы с соответствующей интонацией при чтении может служить особая значительность такого события: *Ремарк умер вчера в предместье Бонна*. Нельзя не признать, что, хотя суперпозиция ремы – весьма выразительное средство введения в рассмотрение нового объекта и события, интерпретация с интонацией незавершенности (тематической) здесь тоже возможна: *Ремарк умер вчера в предместье Бонна*.

Следующей комбинацией выделенных признаков, которых достаточно для того, чтобы понимание с суперпозицией ремы было возможно, является обратный порядок слов плюс бытийный компонент в значении сказуемого. Препозитивная именная группа может иметь определенный и известный референт: *Ариша мелькнула в окне и исчезла*. К словам с бытийным значением мы относим, как уже говорилось, – *есть*, *появился*, *вот*. Понимание препозитивной группы как темы здесь тоже возможно: *Ариша мелькнула в окне и исчезла*.

И, наконец, ради полноты отметим, что еще одним источником вариативности интерпретаций при чтении может служить неопределенность типа порядка слов. Пусть порядок слов в предложении SVO и именные группы взяты с одинаковыми знаками относительно известности/неизвестности (определенности/неопределенности). В предложении *Лев Толстой ушел из дому* обе именные группы определенные, поэтому порядок слов здесь может быть оценен и как прямой, и как обратный. Здесь тоже возможны два прочтения – нейтральное и с суперпозицией ремы: *Лев Толстой ушел из дому* / *Лев Толстой ушел из дому*.

В итоге получаем, что при абсолютной новизне и неизвестности референта препо-

зительного имени интерпретация чтецом предложений рассматриваемого типа как результата суперпозиции ремы обязательна, в остальных случаях при соблюдении других рассмотренных условий – весьма вероятна. Кроме того, существенно, что суперпозиция ремы – это чисто литературный прием и в обыденной речи она невозможна: соответствующее содержание разбивается здесь на два высказывания.

В текстах массовой коммуникации, т.е. исконно письменных, но рассчитанных на скорое исполнение, суперпозиция ремы может расцениваться и как демагогический прием: она повышает коммуникативную напряженность текста и тем самым влияет на сознание аудитории.

По сравнению с суперпозицией ремы тематизация бытующего предмета – это более спокойное средство введения в рассмотрение нового объекта. Здесь бытующий предмет возникает как тема, рассказчик вводит его как уже освоенный и строит свое высказывание, отталкиваясь от него. Тематизация бытующего предмета – это во многих случаях альтернатива суперпозиции ремы. Эта альтернатива возникает у чтеца, когда перед ним предложение с обратным порядком слов, вводящее в рассмотрение новый объект. Но если интерпретатор художественного текста еще может предпочесть тематизацию суперпозиции, то у диктора, сообщающего новости, такой альтернативы фактически нет: традиция чтения текстов-сенсаций возможность чтения с тематизацией в существенной степени уничтожила. Большинство информационных сводок читаются с ударным началом предложения. На такую интерпретацию они ориентированы заранее, так как построены с порядком слов, обратным нейтральному.

И, наконец, рассмотрение минимальных пар, таких как *Томительная теплота потрясла основы моей души* – *Томительная теплот^{||}а потрясла основы моей души*, которые имеют одинаковую лексико-синтаксическую и линейную структуру и функционируют в одинаковых контекстах и различаются только тем, что в одном – тема, в другом – собственно рема, и наоборот, лишней раз показывает необходимость обращения к понятиям темы и ремы, введенных Матезиусом (или эквивалентным им), и их несводимость к таким категориям, как осведомленность коммуникантов, эмпатия и падежная структура предложения, ср. нашу полемику об этом с О. Йокоямой [20, с. 31; 21, с. 97].

9. СУПЕРПОЗИЦИЯ РЕМЫ И ТЕМАТИЗАЦИЯ БЫТУЮЩЕГО ПРЕДМЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Роль предложений с суперпозицией ремы в тексте определяется их способностью вводить в рассмотрение новый объект. Суперпозиция ремы не единственное, но наиболее сильное средство введения нового объекта. Это специальный тип коммуникативной структуры, при котором вводимый в рассмотрение объект получает двойной выделительный акцент и выносится в препозицию. (Исследование различных способов введения нового объекта в художественном тексте содержится в работе Я. Фирбаса [2]).

Вводимым объектом может быть явившееся на сцену новое лицо, внезапно чувство, охватившее участников описываемой ситуации, элемент обстановки, пейзажа, явление природы, которое вмешивается в ход событий или сопровождает его как важная деталь сюжета или создаваемого впечатления.

Из способности вводить в рассмотрение новый объект выводится несколько типов функционирования предложений с суперпозицией ремы в тексте.

1. Суперпозиция ремы может быть средством, с помощью которого сообщается, что в гущу событий неожиданно вторгается новый участник:

(50) *И тут гладь океана вдруг раздалась,^{||} и огромная рыбина взмыла вверх бесконечным движением неправдоподобно могучего и длинного тела, на миг словно повисла в воздухе, серебрясь и синяя на солнце, и снова бухнула в воду – только фонтан пены взметнулся ей вслед (Хемингуэй);*

(51) *(Он выстрелил, и стрекот послышался снова – дробный, тугой, и плавник*

завалился, вода вокруг него закипела и потом) *молот-рыба* – такая большая, какой он никогда не видел, – поднялась из моря белым брюхом вверх и начала бешенно крутиться, взбаламучивая воду как акваплан (Хемингуэй);

Хотя примеры (50) и (51) и не принадлежат к числу образцов русской прозы, но особенно замечательны тем, что стали известны нам в исполнении Михаила Ульянова, выделявшего сильным акцентом слова *рыбина* и *рыба* соответственно.

Суперпозиция ремы может быть употреблена не только в случае возникновения, но и в случае существования среди участников событий неупомянутого ранее лица, предмета, чувства, которые неожиданно попадают в круг внимания наблюдателя:

(52) *(На санитарной линейке умирает Шевелев, полковой командир.) Женищина сидит у его ног* (Бабель).

2. Суперпозицией ремы может быть отмечено первое предложение текста или нового фрагмента, когда вводится новый объект, служащий сквозной темой всего текста или фрагмента. В частности, такое употребление суперпозиции ремы характерно для первых фраз сенсационных сообщений. Эти сообщения обычно целиком посвящены какому-либо открытию, событию, изобретению, лицу, новизна которого усиливается коммуникативной структурой первой вводящей объект фразы:

(53) *Кофейную розу вывела известный селекционер Серена Чачапоас из бразильского города Бока-ду-Акри.*

3. Еще одна функция предложений с суперпозицией ремы связана с их способностью открывать собой фрагмент, посвященный описанию некоей цельной картины, которая открывается перед глазами читателя. Первый вводимый в рассмотрение предмет не является ни единственным, ни главным действующим лицом, о котором пойдет речь в таком фрагменте, – он служит лишь точкой отсчета для описания всего нового кадра:

(54) *Вечер лег на медные горы, (и ветер стих, как бы приветствуя меловую звезду, равнодушно блиставшую над пустыней)* (Паустовский).

В связи со свойством суперпозиции ремы открывать описательный текст такие предложения могут употребляться не только в абсолютном начале, но и после слов, обещающих описание картины, которая открывается перед глазами читателя. Так, за словами *мы пришли на кухню...* может следовать описание того, что мы там увидели. Причем первый увиденный объект в таком описании станет главной ремой первого предложения:

(55) *(Мы пришли на кухню, и Рубцова поставила меня под кран.) Гусь жарился на кафельной плите, (пылающая посуда висела по стенам, и рядом с посудой, в кухаркином углу висел царь Николай, убранный бумажными цветами)* (Бабель).

При отсутствии слов, предваряющих переход к новому кадру, предложения с суперпозицией ремы могут самостоятельно сигнализировать о смене экспозиции:

(56) *(Она одела мужские штиблеты и оранжевое платье, она одела шляпу, обвешанную птицами, и уселась на лавочке.) Вечер шатался мимо лавочки, (сияющий глаз заката падал в море за Пересытью, и небо было красно, как красное число в календаре.)* (Бабель).

И наконец, суперпозиция ремы может сообщать о том, что произошло некое событие, ср. предложение (42). Коммуникативная структура с суперпозицией ремы возникает как особая структура именно литературного или газетного стиля: в разговорной речи она не употребляется. Она весьма характерна для рассказов И. Бабеля, а также прозы А.С. Пушкина и К.Г. Паустовского.

В устном исполнении специфический интонационный контур предложений с суперпозицией ремы, когда на первую именную группу предложения, обозначающую основной предмет сообщения, падает двойной выделительный акцент, можно часто наблюдать в речи дикторов радио и телевидения.

Предложения с тематизацией бытующего предмета употребляются в описательных художественных текстах, где для каждого предмета, который представляет собой элемент общей картины, принята следующая схема представления: предмет – его

локализация. Предложения, живописующие ситуацию с различных сторон, зачастую имеют одинаковую синтаксическую структуру. Все они составляют описание одной картины. Первое предложение, открывающее такое описание, может иметь коммуникативную структуру с суперпозицией ремы, где первый вводимый в рассмотрение предмет соответствует главной реме. Все последующие предметы, активированные первым, и в этом смысле не совсем новые, соответствуют темам неначальных предложений: они возникают в тексте, когда ситуация уже введена в рассмотрение. Предложения с тематизацией бытующего предмета могут перемежаться нейтральными предложениями характеристики с коммуникативной структурой тема-рема.

Предложения с тематизацией бытующего предмета возможны не только в контексте предложений с суперпозицией ремы. Описательный фрагмент текста (картинка) может открываться и другими средствами, в частности, и предложениями с тематизацией бытующего предмета:

(57) *(По вечерам лукавый Суровец отвозил нас на реквизированном шарабане к холму, где светился в огне заката брошенный дом князей Гонсиоровских.) Худые, но длинные и породистые лошади дружно бежали на красных вожжах; беспечная серьга колыхалась в ухе Суровцева, круглые башни выросли из рва, заросшего желтой скатертью цветов. Обломанные стены чертили в небе кривую, набухшую рубиновой кровью линию, куст шиповника прятал ягоды, и голубая ступень, остаток лестницы, по которой поднимались когда-то польские короли, блестела в кустарнике (Бабель).*

Итак, тематизация бытующего предмета – другое, менее динамичное, чем суперпозиция ремы, средство введения в рассмотрение нового объекта. Предложения с тематизацией бытующего предмета обычно используются как неначальные компоненты нарративного текста. Их функционирование в художественном тексте определяется, с одной стороны, близостью к предложениям характеристики ввиду совпадения расположения компонентов коммуникативной структуры: и те, и другие предложения представляют собой последовательность тема-новое – рема. С другой стороны, предложения с тематизацией бытующего предмета близки к предложениям с суперпозицией ремы ввиду совпадения линейно-синтаксических структур.

Поэтому, если перед нами предложение письменного художественного текста со значением существования или появления на сцене и инвертированным порядком слов по сравнению с нейтральным, мы можем реализовать это предложение либо с интонационным контуром суперпозиции ремы, либо с интонационным контуром, характерным для тематизации бытующего предмета. При этом начальные предложения текста или фрагмента текста с неизвестным препозитивным подлещаем или дополнением производят на слушателя более глубокое впечатление, будучи произнесены как предложения с суперпозицией ремы. Неначальные предложения описанной линейно-синтаксической структуры, а также начальные предложения при нейтральном произнесении, исполняются как предложения с тематизацией бытующего предмета.

* * *

Выше было показано, что некоторые предложения в художественном или публицистическом тексте с инверсией могут быть произнесены с двойным выделительным акцентом на начальной именной группе и простым выделительным акцентом на конечной группе. Для того, чтобы такое произнесение было возможно, семантическая структура предложения должна включать бытийный компонент, который присутствует в значении сказуемого или выражается неопределенностью референта начальной именной группы предложения. Такое же исполнение могут иметь и предложения без выраженного бытийного компонента, но сообщающие о некоем чрезвычайном событии. Коммуникативная структура таких предложений характери-

зается наличием двух рем – начальной и конечной – каждая из которых соответствует двум спаянным в одном предложении сообщениям: в одном сообщается о возникновении или бытовании некоего важного предмета или события, а другое – содержит дальнейшую характеристику этого явления.

Исполнение таких предложений в устной речи с двумя выделительными акцентами – в начале и в конце – не обязательно. Обычно возможно и альтернативное произнесение, при котором начальная группа интерпретируется как тема. В таком случае эффект присутствия в одном предложении двух сообщений – бытийного, т.е. вводящего в рассмотрение новый объект, и характеризующего – пропадает и особая коммуникативная напряженность, присущая предложениям с двумя ремами, снимается. Использование предложений с двумя ремами широко распространено в речи дикторов радио и телевидения при сообщении новостей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковтунова И.И. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979.
2. Firbas J. On "Existence/appearance on the scene" in functional sentence perspective // Prague Studies in English. Praha. V. XVI.
3. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. 1966.
4. Валайтис Д.-Э.И. Предложения с существительным-подлежащим в начальной рематической позиции (на материале современного немецкого языка) // Грамматические категории в разносистемных языках. М., 1985.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
6. Падучева Е.В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Научная и техническая информация. Сер. 2. 1984. № 10.
7. Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
8. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // ИАН СЛЯ. 1983. № 3.
9. Янко Т.Е. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научная и техническая информация. Сер. 2. 1991. № 7.
10. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип, М., 1983.
11. Рестан П. Позиция личной формы глагола в некоторых элементарных повествовательных предложениях в современном русском языке // Новое в лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
12. Мартымянов Ю.С. Проблемы актуального членения в исследованиях по автоматическому переводу и реферированию // Обзорная информация. Сер. 2. М., 1981.
13. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
14. Плаунган В.А., Рахилина Е.В. Сирконстанты в толковании ? // Metody formalne w opisie językow słowiańskich. Białystok. 1990.
15. Мартымянов Ю.С. К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.
16. Мартымянов Ю.С. К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений (продолжение) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1971. Вып. 14.
17. Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12.
18. Труб В.М. К проблеме обнаружения нестандартно оформленных валентностей предиката на этапе семантико-синтаксического анализа при машинном переводе // Материалы международного семинара по машинному переводу. М., 1975.
19. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
20. Янко Т.Е. Информационная модель диалога // Научная и техническая информация. Сер. 2. 1990. № 12.
21. Йоковья О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ. 1992. № 6.